

18+

ВАЛЕРИЙ ЖИГЛОВ

ПЛЯСКА СМЕРТИ

В. Жиглов

Пляска смерти

<https://litres.ru/74247222>

ISBN 9785007034760

Аннотация

Эта история — о том, как одержимость буквой закона убивает дух милосердия. О том, как один студент, сломленный трёхлетней пыткой пересдач, выйдя после финального триумфа из аудитории, так и не смог вернуться в реальность. Как его душа, истерзанная ожиданием провала, шагнула напрямик под колёса равнодушного автомобиля. Прочитав эту книгу, вы поймёте, почему смех порой бывает самым страшным оружием, а самая точная наука может привести к самой нелепой и горькой ошибке.

Содержание

От автора	5
Часть I. Анатомический театр жизни	8
Глава 1. Старый свет	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Пляска смерти

Валерий Жиглов

«Memento mori — помни о смерти»

© Валерий Жиглов, 2026

ISBN 978-5-0070-3476-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эта книга пахнет формалином и старой бумагой. Она начинается как анекдот, который мы пересказывали друг другу в гулких коридорах общежития, чтобы заглушить голодное урчание в животе. Помните? Того самого студента, который пересел с галерки в театре в первый ряд кинотеатра, потому что «в театре ему уже надоело сидеть на последнем ряду»? Этот анекдот был нашим способом выжить в мире, где стипендии хватало лишь на хлеб и тетради для конспектов. Это была эпоха великого обмана и великой веры: вторая половина шестидесятых годов прошлого века, когда нам казалось, что мир можно изменить силой знаний и чистой совести.

Но эта книга не о весёлой студенческой юности. Эта книга — анатомический театр памяти, где под скальпелем времени препарируется сама суть человеческой жестокости, прикрытой маской науки.

Здесь вы встретите людей-легенд. Вы увидите, как ассистенты вносят на кафедру наполовину парализованное тело профессора Говорова, усаживают его за стол, словно драгоценную вазу, и он начинает свой громкий дикторский монолог о ядах и противоядиях, прерываясь лишь на незамысловатые шутки, чтобы скрыть собственную боль. Вы столкнётесь взглядом с профессором Ефимовым, восьмидесятидвухлетним реликтом ушедшей империи, чьё прошлое,

как адъютанта белогвардейского адмирала Колчака, было страшнее любого экзаменационного билета. И вы почувствуете жар революционного пыла профессора Кондюрина, чья жизнь началась с создания первой городской комсомольской ячейки.

И над всеми ними возвышалась фигура профессора Лебедева — Бога терапии. Для него медицина была религией абсолютной точности, где запятая, поставленная не в том месте, приравнивалась к смертному греху. Его приговор звучал безапелляционно и сухо: *«Больной умер. Приходите перездавать экзамен через год»*. Мы зубрили дозировки до кровавых кругов перед глазами, жили в постоянном страхе совершить фатальную ошибку в рецепте, но одна ошибка всё же оказалась роковой.

Эта история — о том, как одержимость буквой закона убивает дух милосердия. О том, как один студент, сломленный трёхлетней пыткой пересдач, выйдя после финального триумфа из аудитории, так и не смог вернуться в реальность. Как его душа, истерзанная ожиданием провала, шагнула напрямик под колёса равнодушного автомобиля.

Это повесть о мести. Но не той, что вершится кулаками или криком. Наша месть родилась из тишины общего горя. Когда отчаяние достигло своего пика, мы решили сыграть по правилам нашего мучителя — по правилам холодной, бюрократической логики. Мы заказали ему гроб. Просто гроб. С доставкой на дом.

То, что произошло дальше, стало легендой института, эхом прокатившейся далеко за пределы наших аудиторий. Прочитав эту книгу, вы поймёте, почему смех порой бывает самым страшным оружием, а самая точная наука может привести к самой нелепой и горькой ошибке.

Добро пожаловать в наш анатомический театр. Представление начинается.

Часть I. Анатомический театр жизни

Глава 1. Старый свет

Запах. Это первое, что я помню, когда думаю о тех годах. Сложный, многослойный аромат, который невозможно спутать ни с чем другим. В нем смешались едкий запах формалина из анатомички, сладковатый запах старых, рассыпающихся от времени книг в библиотеке, пыльный дух аудиторий и, конечно же, вездесущий звон семиструнной гитары. Эта студенческая жизнь была насыщена молодостью, беззаботностью и предвкушением великой тайны — тайны человеческого тела.

Мы были поколением, выросшим на отголосках войны и хрущевской оттепели. Мы верили в науку как в новую религию. Наш храм — это массивное здание из красного кирпича с бесконечными коридорами, гулкими лестничными пролетами и окнами, выходящими на вечно суетливую улицу. Институт жил своей, особой жизнью. Здесь время текло иначе: вязко, как желатин на препаратах, и одновременно стремительно: «От сессии до сессии студент бывает весел, а сессия всего два раза в год!»

Моими неизменными спутниками были студенты Юзов, Лосев, Гвоздев и Церникель с которыми мы весело и беззаботно проводили всё свободное время. Мы были шумной, голодной, но невероятно дружной стаей.

Но настоящими хозяевами этого здания была Старая профессорско-преподавательская гвардия. Титаны. Люди, которые помнили мир до нас и, казалось, будут помнить его после.

В этом пантеоне особое место занимал профессор гистологии Ефимов. Ему было восемьдесят два года. Для нас он был не просто преподавателем — он был живым ископаемым, осколком империи, который по какой-то нелепой случайности не смыло волнами революций и войн. Ходил он всегда медленно, опираясь на тяжелую трость с костяным набалдашником. Звук его шагов — *тук... тук... тук...* — эхом разносился по пустому коридору задолго до того, как он сам появлялся из-за поворота.

О его прошлом ходили легенды, которые передавались шепотом от курса к курсу. Говорили, что в своей далекой молодости он был адъютантом у самого белогвардейского адмирала Колчака. Говорили, что он чудом избежал расстрела и сменил мундир на белый халат.

Профессор Ефимов читал лекции так, будто время остановилось для него в октябре семнадцатого года. Он никогда не говорил о советской власти или партии. Он говорил о «Государстве Российском», о «высшем свете», о «благо-

родных традициях». Его голос был сухим и скрипучим, как пергамент. Он мог полчаса водить указкой по одному-единственному препарату под микроскопом — срезу почечного канальца — находя в нем все новые и новые детали с упое-нием ювелира.

Студенты боялись его не столько из-за строгости (хотя сдать ему гистологию с первого раза было подвигом), сколько из-за его старческой непредсказуемости. Он мог застать врасплох любого: — Молодой человек! — раздавался его скрипучий голос за спиной. Вы оборачивались и видели перед собой его выцветшие глаза за толстыми стеклами очков. — Что вы держите в руках? Это микроскоп? Или вы решили использовать его как подзорную трубу для наблюдения за декольте вашей соседки? Я разочарован.

Или же он мог внезапно остановиться посреди коридора и долго-долго смотреть на портрет Пирогова на стене так, будто тот был его старым боевым товарищем.

С Ефимовым мы чувствовали себя неуютно. Он был слишком чужим, слишком аристократичным для нашего юношеского задора. И был напоминанием о том, что мир сложнее любых лозунгов. Мы инстинктивно сторонились его величия и его трагедии.

Совсем другим был профессор микробиологии Кондюрин — плоть от плоти новой эпохи. Но это уже другая история.

А пока мы спешили на лекцию к Ефимову. Мы занимали места поближе к выходу (на всякий случай) и затихали

при звуке знакомого стука трости по паркету. Дверь открывалась. В аудиторию входил Старый Свет. И мы замирали в ожидании чуда или катастрофы.

Если профессор Ефимов был вечным льдом, то профессор микробиологии Кондюрин был неугасимым пламенем. Полная противоположность. Там, где Ефимов цедил слова по капле, Кондюрин обрушивал на аудиторию словесный водопад. Ему было под семьдесят, но энергия в этом невысоком, коренастом человеке была через край, грозя разорвать его неизменный, слегка помятый пиджак. Он был плоть от плоти этой новой, советской земли. Энергичный большевик, чье прошлое было не шепотом в коридорах, а громким, гордым фактом, который помнил «запах пороха революции» не фигурально. В его кабинете, помимо портретов Мечникова и Пастера, висела выцветшая фотография, где он совсем молодой, с лихо заломленной фуражкой, на фоне знамени. Кондюрин в те послереволюционные годы возглавлял первую городскую комсомольскую ячейку, и этот дух агитатора, трибуна, так и не выветрился из него за десятилетия академической карьеры.

Лекции по микробиологии у него превращались в захватывающий политический триллер. Он не просто рассказывал про микробы — он вел их в бой. Войдя в аудиторию, он не садился за стол. Он выходил к доске, как полководец на капитанский мостик, и начинал свое выступление.

— Товарищи! — его голос, густой и зычный, заполнял все пространство. — Сегодня мы с вами поговорим о невидимом враге! О коварном агрессоре, который проникает в наш тыл, размножается и ведет подрывную деятельность!

Он рассказывал про микроорганизмы с таким жаром, с каким когда-то агитировал комсомольцев на субботник. — Смотрите! Эта бактерия — диверсант! Она вырабатывает токсины! Она разрушает наши ткани! Но у нас есть оружие! У нас есть эффективные лекарственные средства! Это наш бронепоезд на запасном пути! Мы наносим удар! Мы объявляем этому агрессору тотальную войну! Стерилизация! Антисептика! Это наша линия Маннергейма!

Схемы на доске летели со скоростью пулеметной очереди. Он рисовал фагоцитоз как штыковую атаку: лейкоцит-«красноармеец» окружал и пожирал инертную бактерию-«буржуя». Его лекции были спектаклем одного актера.

В отличие от гробовой тишины на лекциях Ефимова, здесь мы не боялись дышать. Мы смеялись. Мы задавали вопросы. Мы спорили. Кондюрин поощрял это. Для него лекция была не монологом, а живым диалогом. — Так, так! — кричал он какому-нибудь смельчаку с задних рядов. — Критикуешь? Молодец! В споре рождается истина! Но ты не прав! Смотри сюда! Вот культура на чашке Петри! Видишь этот гемолиз? Он все опровергает!

С ним мы чувствовали себя не просто студентами, а бойцами невидимого фронта, которым доверена великая миссия

— охрана здоровья советского народа. Он заражал нас своей страстью к науке так же эффективно, как описываемые им вирусы заражали клетку. Если Ефимов учил нас точности и трепету перед тайной жизни, то Кондюрин учил нас борьбе и вере в собственные силы.

Но самым удивительным был третий столп нашей институтской троицы — профессор фармакологии Говоров...

Но если Кондюрин был пламенем, а Ефимов — льдом, то профессор фармакологии Говоров был живой, измученной плотью самой истории. Он был человеком-трагедией, чье присутствие в аудитории каждый раз оборачивалось тихим, благоговейным шоком. Это был моноспектакль, который мы смотрели затаив дыхание, боясь упустить не то что слово — вздох.

Ровно за пять минут до начала лекции у дверей аудитории появлялись его ассистенты. Они не входили, они возникали в проеме, бережно, как величайшую драгоценность, неся на руках груз. Говорову было едва за шестьдесят, но выглядел он на все сто. Вторая половина его тела была полностью парализована — последствие страшных месяцев в застенках, куда он попал по ложному доносу во второй половине сороковых. Говорили, что его пытали, требуя признаний, которые он так и не подписал. Тело его сломали, но дух — остался не преклонным.

Ассистенты проносили его к преподавательскому столу.

Этот процесс был отработан до автоматизма и до сих пор стоит у меня перед глазами: осторожное движение, скрип стула, когда его усаживали, и то, как он сам здоровой рукой поправлял узел галстука. Он сидел абсолютно прямо, словно аршин проглотил. Левая половина его лица была неподвижна, напоминающая посмертную маску, но правый глаз горел неугасимым огнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.